

№ 1 (1)
ноябрь
2016 г.

Вдохновение ПРИЧУДЫМЬЯ

● Я вам пишу

Уважаемые читатели!

Перед вами первый выпуск литературной газеты «Вдохновение Причудымья», которая будет выходить раз в три месяца.

Появление её в Ачинске не случайно: в городе и его окрестностях очень много людей, не просто увлечённых прозой и поэзией, но и создающих свои собственные произведения, многие из которых заслуживают того, чтобы быть увиденными.

Мы очень надеемся, что новый проект даст местным поэтам и писателям возможность раскрыться, выплеснуть свои чувства и эмоции, а также позволит услышать мнение окружающих об их творчестве, ведь всегда интересно узнать, что о тебе думают другие. От читателей же мы ждём отзывов и пожеланий, которые обязательно будут учитываться при создании новых выпусков литературной газеты.

В этом номере вы сможете не только прочитать сти-

хотворения ачинских авторов, но и познакомиться с личностью одного из самых популярных писателей современности – Захаром ПРИЛЕПИНЫМ, с которым мы имели возможность лично пообщаться. Также вы узнаете о том, какой была жена нашего прославленного земляка Виктора Петровича АСТАФЬЕВА.

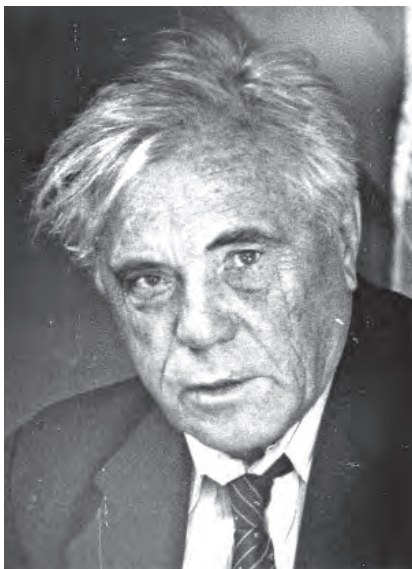
Приятного чтения, и в добрый путь!

**Олеся ПАРШИНА,
редактор «ВП»**

Жизнь пережить

Штрихи к портрету супруги АСТАФЬЕВА

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ с десятков раз в разное время и в разных ситуациях высказывал о своей спутнице жизни излюбленное им: «Не у каждого жена Марья, а кому Бог даёт...». Иной раз прибавлял, чуть понижая голос: «Это не означает: на, получи, Витя, подарок. Марья они же такие. Кому в награду, кому в наказание...». Я как-то в тон ему добавил: «Скорей и то, и другое. Разом». Он остро глянул, усмехнулся.

Действительно, суровая и одинокая, и не вполне оценённая. Да и не напрашивалась на оценки.

Правда, однажды... Было это в 1986 году, зарделась от неожиданности и приязни Мария Семёновна, когда у них в Академгородке я вдруг сказал: «Вчера же было 19 января. Вспоминали и поминали дома Николая РУБЦОВА. Я вечером собрал гостей. Ну вы их всех знаете – СБИТНЕВЫ, ЛАРИОНОВЫ, Наталья ПУТИНЦЕВА да Вероничка с одноклассниками в соседней комнате. Читал им вслух «Воспоминания о Рубцове». Среди авторов одни знаменитости. А лучший очерк – Марии КОРЯКИНОЙ, честно! Так все мои гости оценили».

Не передать словесно её немой тогда благодарности. Разулыбалась, потупилась. А стоявший за её спиной Виктор Петрович сложил вместе ладони, сцепил и благодарно поднял над головой. Наша похвала, казалось, Виктора Петровича порадовала ещё больше, чем автора очерка, писательницу Марию Семёновну...

***

Не хотелось бы распространяться. Ведь замкнутая, колкая, не до юмора ей, простите. Однако! Примерно в те же годы случился забавный эпизод. Таили мы его с Виктором Петровичем довольно долго, но под настроением он как-то за чаем попросил: «Расскажи-ка Мане о высоких потолках!» – и хохотнул.

Мария Семёновна насторожилась. И я стал рассказывать.

«Ну, поскольку, уважаемая Мария Семёновна, – начал я со значением, – отпускаете вы

Однажды, направляясь в кинотеатр «Луч» на просмотр «Звездопада», остановились с АСТАФЬЕВЫМ близ парка передохнуть. Солнце палило, дышалось трудно. Отчётливо помню его неожиданное: «Понимаешь, Олежек, ты как-то о Марье Семёновне сказал, что она одновременно и радость, и испытание. Ну, примерно, так ты сказал. Однако это же можно отнести ко всякой подруге по жизни. Не об одних Марьях... Они под нас подстраиваются. Кто-то из них легко, а другие вечно сопротивляются».

***

Не раз Виктор Петрович на упрёки о трудном характере своей жены отвечал миролюбиво, задумчиво: «Она многое пережила. Ей достаётся в жизни». С годами пришло и к нам понимание того, ЧТО именно имел в виду писатель (сам не подарок!), отдавая должное своей М.С. Казалось, они и были рождены

друг для друга. Не могу себе представить другую жену для него и другого мужа для неё. Вкладывал АСТАФЬЕВ в слова о ней и такой смысл, что, оставаясь значительной личностью, часто стоявшим особняком, САМ ОН БЫЛ ВСЁ ЖЕ ВТЯНУТ В ЖИЗНЬ РАЗНООБРАЗНУЮ, КРУГОВЕРТНУЮ, КРАСОЧНУЮ И МНОГОЗВУЧНУЮ. Этим вызывал вполне объяснимую и простительную досаду, даже ревность у своей спутницы жизни. Она ведь почти не имела, как я понимаю, близких по духу и душе подруг. Даже и родные её либо рано покинули сей мир, либо, как дочь и сын, жили вдалеке.

В артиллерии, заметим, используется ходовое: «Внимание! ОРИЕНТИР – ОДИНОКО СТОЯЩЕЕ ДЕРЕВО». Однажды я покойному ныне Саше ГЕРАСИМЕНКО, писателю из Владивостока, рассказывал о ней, и у меня будто само собою вырвалось: «Знаешь, жена у Астафьева как одиноко стоящее дерево». Он мне тут же: «Сильный образ. Сразу её представил».

своего Витеньку из дому, прямо скажем, без особой охоты... По-стольку, простите, он о том, что пошёл на улицу Ленина к Олегу, т. е. ко мне, даже и не смеет вам сказать. Низ-зя! Марья, дескать, огорчится, начнёт надумывать разные разности – молодые женщины, цветы, музыка, танцы... Как-то собрались мы на часок к ветерану, что был проездом у сына. Сам ветеран с Урала, ему вечером на поезд. Сидели они с АСТАФЬЕВЫМ, вспоминали, а я с сыном его взрослым поодаль разговаривал о литературе. Он любил стихи, особенно Романа СОЛНЦЕВА, и просил живьём познакомить с поэтом. Я пообещал... Ну и после направились с Виктором Петровичем ко мне ужинать. Галя моя готовила пирожки с капустой, с картошкой. Мы с Петровичем разместились в комнате. Я сел у окна за стол, а он в кресло у книжных полок, где, кстати, домашний телефон...».

При этих словах Мария Семёновна, до этого напряжённая и хранившая непроницаемость в лице, рассмеялась.

«Господи! – проговорила, – это когда Витя попутал и схватил трубку?!».

«Да! – говорю. – Но юмор в другом. Короче, он сидит, посматривает на часы и приговаривает: «Эх, Марья станет ворчать, подозревать, что я не в библиотеке, а у Олега». Тут ВДРУГ пронзительно и сердито, показалось так, зазвонил наш телефон. Я встал и сделал шаг. Но... автоматически трубку схватил Виктор Петрович: «Да!».

В следующую секунду голос его потерял всякую звучность. И по комнате мягкими робкими котышками покатались слова: «Мань, ну Маня... Ма-ааа-ня, ну ты что? Да, да, я у Олега и Гали. Перестань, Мань».

Галя в переднике вышла из кухни. Я отвернулся к окошку, смех разбирал и сочувствие: «Влетел мужик... Застукала жена».

Виктор Петрович, терпеливо дослушивая мой рассказ, тоже смешливо тряс плечами и до-сказывать взялся уже сам:

«В общем, Маня, вроде и не виноват ни в чём, а оправдываюсь, оправдываюсь перед тобой. И перед хозяевами неудобно. Опустил трубку. Молчу. В комнате тишина. Олег у окна, Галя у двери. Стоят, ждут...».

Не выдерживаю, вставляю и я:

«Короче! Глядит он, огорчённый, на наш потолок в комнате и вдруг: «О! А потолки-то у вас высокие... А?!». Я деловито в ответ: «Да, три метра и двадцать сантиметров». Галя первая не выдержала, рассмеялась, тут и мы покатались с хохоту!».

Мария Семёновна и сама знала, что её Витя любил бывать у нас в двухкомнатной тогда квартире. Чаще, чем со мной, разговаривал с Галей и быстро подрастающей нашей Вероничкой, младшей дочерью. Он её звал Вичкой, ей нравилось. Дочь вообще в разговоре не терялась. В доме у нас почти ежедневно пребывали актёры, писатели, художники, среди которых наши любимцы Валера КУДРИНСКИЙ и Толя ТРЕТЯКОВ. Что касается Виктора Петровича, так это же был в ту пору наш главный гость, был

на самом первом месте по степени почитания.

После этого бесхитростного рассказа я не сразу их покинул. Они раздобрились, просили не спешить и посидеть с ними. Было чувство подступившего родства. Всё же, согласитесь, славные люди – русские. Дури в нас наносной много, да не больше, чем у иных племён, а вот врождённых достоинств столько, что из них никому нас не превзойти. Проявляются наши достоинства, правда, лишь в годину боёв и трудов непосильных. А в спокойной жизни мы быстро киснем, портимся и делаемся в тягость друг другу.

***

Вспомнить добрым словом надо бы и творческий вечер Марии Семёновны 27 февраля 1986 года в большом зале краевой библиотеки.

В своих дневниках И. КУЗНЕЦОВ позже напишет. Цитирую:

«Выступление Марии КОРЯКИНОЙ в библиотеке было отличным. Рассказала о себе: где родилась, о своём детстве, о курсах, о фронте, о первых рассказах, заметках в газете, о первых книгах. Много было вопросов. Хорошо рассказывала о РУБЦОВЕ, близком для семьи АСТАФЬЕВЫХ человеке. Гово-

рила о нём тепло, с житейскими деталями и о своём участии в составлении книги воспоминаний о РУБЦОВЕ. На вопрос, кто её любимый писатель, ответила – БУНИН, на первом месте из поэтов – ПУШКИН (отметила, что любимым поэтом РУБЦОВА был ТЮТЧЕВ). Любит АХМАДУЛИНУ, любит НОСОВА, СЕМЁНОВА, ДУДИНА, СИМОНОВА, из иностранных МАРКЕСА, БЁЛЛЯ. Не любит В. КАТАЕВА. В общем, литературные вкусы Марии Семёновны во многом совпадают со вкусами мужа...».

К этим заметкам добавлю, что, когда её спросили из зала, вошла ли она хоть в какой рассказ АСТАФЬЕВА, сдержанно ответила: «Ему есть о чём писать. Вот как не станет о чём, тогда будет про меня писать».

В тот вечер позвонил мне В.П. АСТАФЬЕВ: «Олег, ну как моя Мария?». По тону я догадался, что ему уже рассказали, как она здорово держалась и обаяла многих в зале. Понял, что ему важно услышать что-то и от меня. Говорю:

«Как раз я записываю в своём дневнике. Прочитать? Ну, слушайте: М.С. в чёрном. За столом до пояса благородна. Молодец. Объяснялась с тактом, умом, сдержанно и при этом очень ПРОСТО – это и та-

лант ещё житейский. Ну, как говорится, с кем поведёшься! Похвалите её, Виктор Петрович».

Он, довольный, буркнул: да, да.

***

В 1987 году многое вдруг покатило вниз.

19 августа скоропостижно у АСТАФЬЕВЫХ скончалась в Вологде сорокалетняя дочь Ирина. Сердце. Мне пришлось с АСТАФЬЕВЫМ вдвоём из Красноярска лететь в Вологду, побывать в морге, переночевать в квартире покойной, вскочить с дивана глубокой ночью от вскрика и плача Петровича. Он стонал, качался и шёл ко мне, держа в руках местную газету с программой телепередач, а там чернильные пометки рукою дочери, ЧТО ей из передач надо посмотреть на неделе непременно. Это и поразило глубоко скорбящего отца:

«Доча, доча! Родная... Ничего ты уже не увидишь. Прости меня. Ты маленькая подходила ко мне, тыкалась головкою в папино колено и, может, хотела, чтоб папа поцеловал, а папа твой то «Последний поклон» кропал, то заметки в газету, то свою «Кражу»... И дочку тихо-тихо рукою отстранял. Склонялся к бумагам, писал и писал.

Эх, писатели мы, писатели. Дети без нас вырастают. Глядь, они уже большие и далеко. А Иринки совсем уж нет».

Я успокаивал, обнимал, он дрожал всем телом.

В аэропорту Пулково ещё и гроб не входил в самолёт. Опять всё это происходило на глазах Виктора Петровича. И опять мокрое от слёз измученное его лицо. Схоронили Ирину близ Овсянки.

А через 10 дней после её похорон вдруг разбился насмерть в Абанском районе мой родной брат Юра, тоже сорока лет от роду, приняла земля его в Канске. Позвонил нам и выразил соболезнование из Овсянки всё ещё подавленный горем АСТАФЬЕВ. Следом позвонила из Академгородка Мария Семёновна и сразу спросила: «Вы правда сильно были с Юрой похожи?». Я ответил, что мы все братья – и я, и Юра, и Толя, и Женя – очень похожи. Она стала меня утешать... Тут и слёз своих не скрывает, рассказала, пресекая голос, какими славными в детстве были их ребятами любимые – ушедшая Ира и сын Андрюша, дай Бог ему здоровья.

Это был, пожалуй, последний наш длительный человеческий контакт с АСТАФЬЕВЫМИ. И отошли навсегда вечерние наши беседы душа в душу о личном, о вечном.

Стали отдаляться, и охладевать, и уходить глубже в себя: и мы, и они.

***

29 ноября 2001 года скончался её муж и наставник Виктор Петрович АСТАФЬЕВ. Похоронен в Овсянке рядом с дочерью Ириной.

Мария Семёновна пережила его на десяток лет. И продолжала до своей кончины заботиться о внучке Полине, внучке Викторе. Писала, читала, переписывалась, проживая в Академгородке и нечасто

появляясь на людях. Никому не сделала зла.

За полтора года до своей кончины позвонила мне, спокойная и добродушная. Правда, для начала чуть подкусила:

«Олег Анатольевич, а можно вас на «ты» величать? – и тут же, – Да, а скажи, как там твоя Вичка? В Москве? И кто у неё?»

Ответил ей: «В Москве. Сынуля Ваня у неё. Философ будет. Остроумен, мил, любит стихи читать и петь».

«Вот как у вас... – задумчиво проронила. – У старшей дочь Маня, а у младшей сын Ваня. Иван да Марья... Складно».

Поразился я этому. Было ей ведь почти 90, а память почти безупречная...

***

В 2009 году, помню, звонит мне к вечеру младший брат Евгений (кстати, это он автор композиции «Царь-рыба», что на смотровой площадке близ Овсянки) и огорчённо говорит: сегодня, 1 мая, день рождения В. АСТАФЬЕВА, а у памятника его ни единого цветка. Я попросил брата быстро купить и возложить цветы.

Пришёл к себе домой, а там за чаем сидят моя супруга Галя, её родные – сестра Валя и брат Виктор (ЯКОВЛЕВ), известный в казачестве нашего города. Предложил я им сейчас же съездить в Академгородок к Марии Семёновне. Машина уже стояла во дворе. И мы выехали. Они сразу поднялись с цветами к АСТАФЬЕВОЙ, а я пошёл на крутой берег Енисея близ их дома, где часто-часто бродили с Виктором Петровичем. Через считанные минуты подошли туда и мои дорогие посланцы.

Вот что рассказала мне тогда жена Галина Алексеевна:

– Мария Семёновна нам сама отворила дверь.

«А-а-а... Вы от Олега? Не за-

бывает, молодец. Как у него дела?..».

Стали разговаривать о Викторе Петровиче. Сказали, что у памятника ему близ БКЗ лежат цветы.

«Да, пожить бы мне ещё немного, – проговорила Мария Семёновна. – Есть ещё дела с архивами Виктора Петровича. А в наш музей? Они всё уже забрали, даже часы, подаренные ему ЛЕБЕДЕМ».

Она выглядела уставшей, в дальней комнате слышны были голоса. Мы не откликнулись на её приглашение, отдали подарки и вышли.

А ранее дважды была в гостях уже у вдовы с журналисткой Леной КОЗЛОВОЙ. Помнится, накупили пирожных, на что Мария Семёновна отреагировала по-своему, ворча: «Лучше бы хлеба принесли...». Не думаю, что не было у неё хлеба, просто так сказала, не привыкла к сладостям, а может, просто захотелось поворчать. На фотографии нашей дочери Вероники и внучки Маши смотрела отстранённо, не узнавая:

«Что ты показываешь? Ну, да, красивые, а кто они? А-а-а, это же Вичка... Простите, мне операцию делали на глазах».

Она была уже не с нами и не при нас, как люди, собирающиеся в далёкий путь.

***

Закончить эти штрихи к портрету выдающейся женщины, фронтовички, писательницы М.С. КОРЯКИНОЙ (АСТАФЬЕВОЙ) уместно цитатой из текста, хранящегося в Интернете, подготовленного к её 90-летию. Она ещё была жива, могла это и прочитать. Там вот что о ней:

«Виктор Петрович нет-нет да и вспоминал: «Как я увидел её... бежит маленькая, в больших сапогах – они чуть ли не задом наперёд на ней, так и сказал ребятам: вон та –

моя!». Как в воду глядел. После демобилизации Виктора Петровича они тут же зарегистрировали брак. Марию из армии тоже отпустили, и поехали они, два победителя, на Урал, в Чусовой. Как написала однажды Мария Семёновна в своей книжке «Земная память и печаль», там, в родных её краях, они продолжили борьбу, теперь уже под мирным небом. Боролись просто за выживание, за место под солнцем, преодолевая беды, как крутые перевалы.

Душевный человек Мария Семёновна и прекрасный прозаик. За душу берут её книги: тревожат и успокаивают одновременно, думать заставляют, учат сопереживать. В одной из своих статей, опубликованной в журнале «Новое и старое», она написала странные для многих слова: «Моя беда в том, что я всегда слишком любила жить...». Мария Семёновна АСТАФЬЕВА-КОРЯКИНА, как сказал один литератор, – философическая женщина. Такими женщинами, как она, талантливыми и самоотверженными, с открытой, щедрой душой и добрым сердцем и сильна держава Российская, земля русская».

Р.С. Напоследок эпизод. Прогуливались вдвоём с АСТАФЬЕВЫМ по Вологде в июне 1988 года. Было немножко грустно. «Ты что сегодня такой? – заметил он. И не дожидаясь ответа, спросил: – Чем заканчивается «Разгром» ФАДЕЕВА?». Говорю: «Ну... ЛЕВИНСОН плачет». АСТАФЬЕВ морщится, припоминая, и говорит: «Вот чем... И ПЕРЕСТАЛ ПЛАКАТЬ; НУЖНО БЫЛО ЖИТЬ И ИСПОЛНЯТЬ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ». Часто вспоминаю этот эпизод.

Олег ПАЩЕНКО,
член Союза писателей
СССР с 1985 года,
депутат, редактор
«Красноярской газеты»

Валентина ОРЛОВА

Ах, родина моя...

Не буду говорить ни да, ни нет,
Пускай сама судьба поставит точку.
Вся жизнь моя, как маленький сонет,
Уместится в одну простую строчку.

Где болдинские ивы, наклонясь,
В зеркальный пруд не могут наглядеться,
Там юность золотая пронеслась
И босиком промчалось моё детство.

Ах, родина моя, ты далеко,
Рукой отсюда мне не дотянуться...
Зимой в Сибири дышится легко,
И так же над Чулымом ивы гнутся.

И так же снег скрипит под сапогом,
Под детский крик несутся с горки санки.
Я здесь живу и здесь теперь мой дом,
Я сибирячка, я не иностранка.

Простите мне, родимые луга,
Что уж давно на вас я не ступаю,
Теперь мне ближе белые снега
И город, что в снегах тех утопает.

Дождёмся мы, и к нам придёт весна,
Раскинется трава ковром зелёным,
Как свечки, почки выпустит сосна,
И первоцветы вырастут на склонах.

Сибирь моя, насколько широки
Твои леса, и нивы, и дубравы!
А по весне в тайге цветут жарки...
Люблю тебя. Я дочь твоя по праву.

Сибирская ранетка

В окно моё твоя стучится ветка
И говорит: «Вставай, пришла пора:
Красавица сибирская – ранетка –
В наряде белом смотрит со двора».

Она стоит, раскинувшись красиво,
Как будто в люди вышла в первый раз,
Не осознав свою девичью силу,
Красу не выставляя напоказ.

Соседний тополь, веткой серебристой
Прикрыв от солнца нежные цветы,
Своею тенью, мощной и ветвистой,
Не нарушает девичьи мечты.

И хочется ему посторониться
И ей сказать: «Не бойся, проходи».
В надежде, что она, как выпускница,
Прильнёт вдруг на бегу к его груди.

Пишите письма

Как писем ждём, когда их нет,
Как мы растеряны и слабы...
Где этот маленький конверт?
Не затерялся, не пропал бы!

Тревожен каждый звук с утра,
И каждый шаг за дверью слышен,
Весь мир на кончике пера,
А почтальон твердит: «Вам пишут...».

Почтовый ящик глух и нем:
Жестянка, чёртово железо!
И хочется мне крикнуть всем:
«Я писем жажду до зарезу!»

О, дайте слова чёткий блеск
На белом листике страницы,
Я жажду слова благовест,
Как царь Дадон пера жар-птицы!

Мы так стремительно живём,
А почта так нетороплива.
Куда пропал мой почтальон?
Нельзя же так несправедливо!

И слыша совести укор,
Я за перо сама хватаюсь
И затеваю разговор,
И в нежных строчках изливаюсь.

Друзья мои, я вас люблю.
Прошу, пишите мне почаще.
Любую боль перетерплю,
Но не пустой почтовый ящик!

«Красавица сибирская – ранетка –
в наряде белом смотрит со двора».

Пётр ДУБАЕВ

Часовой

Я охраняю твои сны,
Ценю их ровное дыханье.
И ночь наводит нам мосты
От радости до ликования.

Кладёт бессмертная душа
Святую голову на плечи,
Лучится светом, хороша,
Добром непроходящим лечит.

И, настоящая всегда,
Заветно делает признание
Своей безгрешностью сама
Без спешности и опоздания.

Тростю

Изменять и изменяться,
Видеть явь и видеть сны,
Огорчаться, улыбаться
С высоты до глубины.

Удивлять и удивляться,
Мигом каждым дорожить,
Лени лишь сопротивляться,
Предначертанностью жить.

Покорять и покоряться,
Жизнью смерть переменить,
Не суметь нигде остаться,
Незаметно всюду быть.

***

Грустим под силами судьбы,
Не понимая, не внимая.
Её пророческие сны
Уже под утро забываем.

Не в силах ангелы помочь
Узнать желания и страсти,
Дневную маску носит ночь,
Другое обещает счастье.

Грустим над силами судьбы,
Ведь будущее всех тревожит...
Так солнце сходит с высоты
И светом души наши множит.

Утром

Нас с тобой целует вечер,
Прячет в ласковых ладошках,
Он сегодня свеж и светел,
Неподвижностью хороший.

Затуманились морозом,
В хоровод зовут берёзы.
От бескрайней снежной прозы
На ветвях застыли слёзы...

Хорошо, когда ты рядом,
Таким утром любоваться,
Полусловом, полувзглядом,
Жадно душами сливаться.

Предлагаю

Я тебе предлагаю
И без лишних вопросов
Нераскрытую тайну –
Наш единственный космос.

Эти дивные дали
И глубины седые...
Что придумали сами,
Когда были святыми.

«Затуманились морозом,
в хоровод зовут берёзы».

«Позолотило листья бабье лето. Над головой – бездонная лазурь!»

Евгений СТРЕЛЬЦОВ

***

Цветы цвета боли. Цветы цвета тьмы.
Политые скорбью прожитой судьбы.
На почве предательств и мёртвой мечты
Цветут или вянут эти цветы?

Под тучами, полными кровью из ран
Разбитого сердца, пейзаж сей устлан
Тысячей чёрных безрадостных роз,
Блестящих прозрачной росой из слёз.

Здесь умирает надежда на свет.
Розы пророчат: «Любви больше нет,
Нет больше веры, счастье – мираж.
Теперь и всегда только этот пейзаж».

Но ведь когда-то, в начале времён,
Другой был пейзаж и пророчество в нём.
Почва дышала свободно без лжи.
Дух веры в любовь здесь ещё жил.

Цветы цвета счастья тогда здесь цвели,
Радость и нежность взору несли.
Тысяча белых и ласковых роз,
Блестели на солнце росой из грёз...

Теперь же послушай, художник слепой!
Что ж ты обижен нелёгкой судьбой?
Пейзаж этот сам ты тогда погубил,
Когда свет души ты своей не хранил.

Возьми новый холст и новые краски
И напиши, чтобы было как в сказке.
Творцом у мольберта выступи ты,
Создай вновь пейзаж неземной красоты!

*«Принеси мне букет цветов,
да чтоб розы алые-алые».*

***

Теперь я знаю, что ты есть.
Всё стало ясно и легко.
В твоих глазах сумел прочесть,
Что счастье здесь, недалеко.

И пусть реальность гнёт своё,
Ей то, что есть, не победить:
Намного проще нам вдвоём
Жить, верить, строить и творить.

Случайно встретились с тобой.
А может в самый важный час
Два ангела, шутя с судьбой,
Решили всё давно за нас,

Сказав друг другу: «Хватит с них,
Прошли их испытаний дни.
Воспоминанья бед былых
Оставят в прошлом пусть они.

И, взявшись за руки, идут
И смело смотрят пусть вперёд,
Там счастье и любовь их ждут,
И это больше не пройдёт».

И провиденье, случай ли –
Мне всё равно, я всё решил.
Друг друга мы с тобой нашли,
Все остальное – просто пыль.

***

Средь суеты и низости людской,
Среди высоких стен непониманья,
Застыв, увидел взгляд такой родной...
Померкло вдруг на миг моё сознание.

В нем всё: и мудрость, и любовь,
И сострадание, и честность.
И я тону, и стынет кровь –
Душа уходит в бесконечность...

Пройдут года, пройдут тысячелетья,
Пройдёт весь мир, пройдёт и суета,
Но вечность буду в те глаза смотреть я,
В них утону, останусь навсегда.

***

В моей груди бушует пламя,
Но не растопит вечный лёд...
Давно забыто света знамя,
Давно забыт души полёт.

Скитаюсь в вечности, не зная,
Полюбит кто меня, поймёт,
А сердце жжёт тоска такая...
И не проходит... Не пройдёт.

И буду вечно я скитаться,
Во мраке ночи, волк один.
И звёзды надо мной кружатся...
Стремиться буду только к ним!

Ирина ПРОНИНА

Памяти мамы

Город в сумрак окутан ночной:
Спят мосты, переулки, кварталы.
Только нет тебя рядом со мной.
Почему тебя нет рядом, МАМА?

Больше я не увижу тебя,
И не будешь ты мне улыбаться...
Вечным мраком закрыты глаза,
Твоё сердце не стало стучаться.

Сколько было утрат, сколько бед –
Не сравниться им с этой бедою!
С той поры роковой десять лет
Друг за другом прошли чередою.

Десять лет, словно десять столетий:
В летнем зное, в дождях и в снегу.
Только в то, что тебя нет, поверить
Всё же я до сих пор не могу.

И во всём я стараюсь найти
Нежность рук твоих ласковых, мама.
«Возвращайся скорей, приходи!» –
То и дело твержу я упрямо.

Ты услышишь меня и придёшь:
Очень хочется в чудо мне верить.
Но стучится в окно только дождь,
Только ветер врывается в двери...

Таёт медленно сумрак ночной,
Снова солнце лучи рассыпает.
Никогда ты не будешь со мной –
Смерть из тьмы никого не пускает.

***

Ты нужен мне, как дождик в летний зной,
Как солнца луч в кромешной темноте.
Ты нужен мне, как белый снег зимой,
Но почему-то все вокруг не те.

Ты нужен мне, как воздуха глоток,
Как голос счастья в полной тишине,
Как из-под снега мартовский цветок,
Но почему-то все вокруг не те.

Я устаю искать тебя в толпе,
И наткаться на чужие взгляды.
Ну почему же все вокруг не те?
А мне тебя увидеть срочно надо.

Увидеть, заглянуть в твои глаза,
И раствориться в их голубизне.
О самом главном, важном рассказать.
Но почему-то все вокруг не те.

Прочь убегает время день за днём,
Наступит, но не для меня, весна.
А дело всё, наверно, просто в том,
Что я тебе нисколько не нужна.

***

Как хорошо под шум дождя мечтать...
Стучась в окно, он мягко усыпляет:
Не хочется плохое вспоминать,
Лишь о хорошем дождь напоминает.

Сверкнула молния! Ударил гром!
Он разошёлся, видно, не на шутку!
И хочется по лужам босиком
Умчаться в детство... Ну хоть на минутку!

Земля так жадно дождевую влагу пьёт!
Журчат ручьи, сбегая вниз по круче.
Но скоро этот дождь пройдёт,
И солнце глянет из-за тучи!

Бабье лето

Позолотило листья бабье лето.
Над головой – бездонная лазурь!
Уж птичий гомон ясно слышен где-то:
Спешат к теплу от зимних вьюг и бурь.

Я с наслажденьем кожу подставляю
Последним тёплым солнечным лучам.
Проказник-ветер в волосах играет,
Небрежно разбросав их по плечам.

И в знак прощанья с уходящим летом
Так хочется полуденной порой
Походкой лёгкою, по-летнему одетой
Пройтись по залитой лучами мостовой.

И пусть так мало лета нам осталось,
А впереди – суровая зима.
Среди снегов дни эти вспоминая,
Я буду верить, что придёт весна!

Потомкам

Когда не будет нас, жизнь будет продолжаться.
Всё так же будет солнце по утрам всходить.
И наши внуки будут жизнью наслаждаться:
Надеяться, и верить, и любить!

Растить детей под этим небом ясным.
И каждый миг, за счастье их борясь,
Пусть будут твёрдо знать: мы жили не напрасно!
И помянут добром, когда не будет нас.

Людмила КОЛДАЕВА

*Мне одиноко
без тебя*

Мне одиноко без тебя,
Считаю дни, считаю ночи.
И грустно, и тревожно очень,
Когда тоскуешь так, любя...

Когда усталыми шагами,
Иду сквозь тёмные кусты
Пустынной улицы знакомой,
Перед глазами снова ты...

Как будто ищешь встреч со мною,
О важном чтоб поговорить,
Что буду счастлива с тобою,
Всю жизнь меня будешь любить.

Я это слышала когда-то,
Лет сорок пять тому назад.
Но к прошлому уж нет возврата,
Не повернуть и время вспять.

Прошли те годы молодые,
И юность милая прошла,
А я всё помню и поныне –
Живая память и душа.

Мне одиноко без тебя...

Судьба

Ах, судьба, ах, судьба,
Ты порою игрива.
Ах, весна, ах, весна,
Ты всегда шаловлива.

Повстречались на радость,
Разошлись на беду.
Где же спрячется счастье,
Я ответ не найду.

Ты ушёл на заре
И прийти обещался,
Да, видать, по пути
Ты с другой повстречался.

Видно, не повезло
В этот день и тот час.
Видно, звёзды на небе
Не увидели нас.

Я во поле пойду,
Где жарки зацветают,
И один там найду,
Тот, что душу ласкает.

Птицы в небе поют,
Мне они помогают
Пересилить тоску,
Счастья в жизни желая.

Сон

Что-то смутно, тоскливо и тяжело весь день.
Сердце всё переполнено болью.
Мне приснился наш дом, за околицей ель
И туман над ромашковым полем.

Ты несёшь мне букет, словно в танце плывёшь,
Грациозною птицею, что ли.
Я стою и смотрю: может это не сон...
Сердце сжалось в комочек от боли.

Подошёл, протянул из ромашек букет,
Глаз поднять на тебя я не смею...
Встрепенулась, очнулась – тебя уже нет,
Лёгким облаком образ развеял.

Может быть, я и вспомню когда-то тебя,
Вспомню руки твои, вспомню губы,
Вспомню голос твой нежный и ласковый взгляд,
Но ласкать тебя больше не буду...

Что же делаешь ты, моя память со мной?
Что ты рвёшь и терзаешь мне душу?
Не откроется дверь проржавевшим ключом,
Мокрым снегом лицо не осушишь.

Не стони и не плачь за околицей, ель,
Не растрчивай силы напрасно.
Ночь уйдёт, снег пройдёт и затихнет метель.
Новый день будет солнечным, ясным.

● Для малышей

Хозяюшка

Красиво комнату украшу,
Поставлю в центре круглый стол,
И усажу я куклу Машу,
Поставлю чайный ей прибор.

«Попробуй тортик, Машенька,
Сама его я испекла.
Из глины тесто замесила:
Муку у мамы не нашла».

Дрёма-Сон

Мишка спит в своей берлоге,
Белки спят в своём дупле.
Только ходит по дороге
Дрёма-Сон. Идёт к тебе.

Он заглядывает в окна.
Смотрит: кто ещё не спит?
Закрывает глазки кто-то,
Кто-то носиком сопит.

Всё проверил Дрёма-Сон
И к себе уходит он.
Он ведь тоже хочет спать.
Спи и ты. Ложись в кровать.

Желтенькая

Баю-баюшки-баю...
Песню доченьке спою.
Спит коровка, спит бычок,
Спит за печкою сверчок.

В огороде спят жучки,
А в лесу спят паучки.
Спят листки на веточках,
Спи, родная деточка.

Глазки крепко закрывай,
Баю-баюшки-бай-бай...
В гости к нам приходит Сон,
Сны тебе приносит он.

Сны красивые, как в сказке,
Про котят и про зверят.
Закрывай скорее глазки,
Очень спать они хотят.

Нина КУЗНЕЦОВА

Жажда любви

Небрежно набросив на плечи пальто,
Девчонка ушла за порог.
Весеннею ночью сегодня светло
На перекрёстке дорог.

Цветущий сад ароматами полн,
В небе колдует луна.
Юность кипит, как брожение волн,
И жаждой душа полна.

То жаждой любви и жаждой дорог,
То зноем сгоревших чувств.
То боль отчуждения недотрог,
То ласково «Я вернусь».

Волшебная ночь и путь без конца,
И мама напрасно ждёт.
Сегодня весна раскрывает сердца –
Девчонка с рассветом придёт.

И поёт над землёй Зефир

Я проснулась, открыв глаза,
Затаилась, слушая Мир.
Он шепнул, что прошла гроза
И поёт над землёй Зефир!

Что смеётся солнце с утра,
А погода сегодня – блеск!
И, хоть злился дождик вчера,
Этот день – он полон чудес!

Что на кухне шкварчит обед,
А вот завтрак прошёл давно.
Ну и пусть – засмеюсь в ответ,
Лучше я посмотрю в окно.

За окном, как в цветном кино,
Бирюзовой волной стелюсь,
Разнотравье цветёт давно,
Каждой каплей росы искрясь.

А за полем, по кромке сна,
Проплывает туман седой.
По верхушкам леса весна
Разлохматила лист молодой.

Ох, какой аромат дурной
От куста сирени плывёт.
И от счастья совсем шальной,
О любви соловей поёт.

Я проснулась, открыв глаза,
Затаилась, слушая Мир.
Он шепнул, что прошла гроза
И поёт над землёй Зефир.

За что я люблю Сибирь?

Идешь собирать грибы, на два шага войдешь в лес и всё – тишина, глушь. Кажется, до жилья человеческого немереные километры, и ты одна на всей земле. Такое чувство одиночества, аж дух захватывает.

А Сибирь весной! Тайга дышит дурным запахом трав, цветущей черёмухи, боярышника, рябины. Поляны полыхают огнём жарков. Дышишь, дышишь, дышишь, дышишь и надыхаться не можешь. Так бы и вдохнула все эти ароматы, чтоб до конца жизни хватило.

И вот лето. Да, короткое, но ни за какими морями ты не получишь такого заряда бодрости и желания жить, как в наших берёзовых околках. Сядешь под белоствольную – солнышко играет на листочках, тёплый ветерок ластится, как маленький котёнок к щеке, рассказывает шёпотом лесные истории травушка-муравушка. И хочется остаться под этой берёзкой,

не уходить никуда, впитать эту свежесть, наполнить душу силой родной земли.

Или осень. Печально, тоскливо. Природа вянет и засыпает. А ты не можешь оторвать взгляда от её красоты. И каких только красок не углядишь на этой осенней ярмарке! И золото, и багрянец, и медь, и пла-

тина. Жёлтой охрой расписаны листья и коричневыми оттенками всех тонов; ярко-красные ягоды шиповника и багряные кисти рябины; бордовые ладошки осин и изумрудные иголки сосен.

Ну где на земле найдешь ты ещё такую благодать, такой праздник для души и сердца?!

Олег БУРДУКОВ

***

Прошли те дни, когда я жизнь вверял
Минутам слабости, слепой удаче,
Те дни, когда я был душой богаче.
И где я их, безумный, потерял?

Не там ли, за насмешками людей?
Не там ли, за стыдливым, робким словом,
За хитрою улыбкой, жестом новым,
За вечною напыщенностью дней?

А может, за ближайшим бугорком,
За жарким поцелуем на рассвете,
За ночью, проведённой в Интернете...
Ну вот, опять. Заёрзал в горле ком.

***

Я вчера побывал на погосте,
Там под гомон крикливых ворон
Ненавязчиво плакали гости,
Не тревожа развесистость крон.

Мрамор, цепи, венки и решётки,
И сжимающий сердце покой,
Лужи пролитой на землю водки,
Безмятежность и сон вековой.

Кто-то ждёт. Кто-то ждал. Кто-то вправе
Ожидать, постояв на краю.
И улыбки, улыбки в оправе.
Ну а я всё смотрел на твою.

Мама... Милая, милая мама...
Моя милая мама... моя...

***

Я не люблю, когда я не люблю,
Когда душа спокойна и пуста.
Я не люблю, когда тебя люблю,
Всё начиная с чистого листа.

Я не люблю, когда тебя не жду,
Когда к двери и взгляд мой не спешит.
Я не люблю, когда тебя я жду,
Когда на скрип мой каждый нерв дрожит.

Я не люблю, когда бежит слеза,
Когда твой вздох, твой жест я не ловлю,
Когда молчат, молчат твои глаза,
Я не люблю... А, может, я люблю?

***

Подведённые болью глаза
И улыбка за тенью обиды,
Неудавшихся грёз бирюза –
Я случайно всё это увидел.

Придыханием сорванный крик,
Поволока усталой печали
И ресницами пойманный блик –
Я почувствовал это случайно.

Я услышал подавленный стон
Вновь проигранной внутренней битвы
И немое терзанье икон,
Жаль, не мне посвящённой молитвы.

«А за полем, по кромке сна, проплывает туман седой».

Сергей ПЕСТЕРЕВ

Утренняя охота

Весна постепенно отвоёвывала свои права в расположившейся на берегу Чулыма сибирской таёжной деревеньке, которая тихо дымила по утрам своими глинобитными печами.

В 50-е годы до этого поселения ещё не дошла цивилизация – не было ни электричества, ни автомашин, ни тракторов. Все тягловые работы выполняли на лошадях, реже – на быках и ручным крестьянским трудом. Поэтому утреннюю тишину нарушали своим любовным клекотанием только неугомонные тетерева, коих вокруг деревни было великое множество. С конца марта у них начинался брачный сезон, и ежегодно в одних и тех же местах птицы собирались на токовища.

Вот в предрассветной тишине за листьями сначала как-то робко забормотал самец-косач. На его призыв откликнулся другой за Муравьищем, потом за озером Ерколь, за Чулымом, за мельницей, за озером Кагай – отовсюду донеслись ответные крики.

Словно соревнуясь друг с другом, косачи и самки-тетёрки взлетают на берёзы и своим бормотанием призывают к сбору всех собратьев на токовище, облюбованное здесь же, на поляне под берёзами.

Природа подсказала косачам, что трубить сбор нужно именно с вершин деревьев: звук с высоты распространяется намного дальше. Словно дробь, рассыпавшаяся по полу избы, разносится на всю округу птичий говор – предлюдия любовных игр.

Пробормотав зазывно какое-то время, тетерева ещё до восхода солнца начинают перелетать всё ближе к токовищу. Чуть только забрезжит рассвет и слегка окрасится небо на востоке, все косачи, словно по единой, понят-

ной только им команде, вспархивают с берёз и садятся на землю, точнее на снежный наст, где и начинается главное любовное представление. Сюда же, на ток, слетаются самки – они главные наблюдатели турнирных боёв тетеревов.

Жаль, что в те времена у нас не было ни фотоаппаратов, ни телефонов, с помощью которых можно было бы заснять это удивительно красивое действие матери-природы. Старики рассказывали, что на некоторых токах собиралось до полутора десятков особей. И всё это бегало, взлетало, кружило, громко хлопая крыльями, с чужфуканьем и другими не переводимыми на человеческий язык звуками.

В разгар птичьих игр, даже услышав ружейный выстрел, косачи не всегда взлетают с токовища, а притихнув на мгновение, вновь заводят свой любовный хор. Бывалому охотнику не составляет труда одним выстрелом в место большой скученности косачей подстрелить сразу двух или трёх птиц.

Заранее возле тока охотник сооружал скрадок (укрытие) из веток и сухой травы, куда прятался ещё до прилёта косачей и чутко прислушивался к каждо-

му шороху, каждому движению на земле или в воздухе.

Вот на дальнюю берёзу прилетает первый косач-разведчик и, осмотревшись, начинает издавать призывные звуки. Вскоре и на соседних берёзах располагаются красавцы-тетерева и несколько тетёрок. Самые нетерпеливые и смелые уже слетают на снежный наст, а некоторые даже усаживаются на охотничий скрадок. Сидящий в засаде человек с ружьём замирает, наблюдая такую красоту. На белом снегу токующие косачи особенно прекрасны: надбровные красные дуги становятся ещё ярче, огоньками мерцая в утренней полутьме; перья распушаются, придавая птицам ещё больший объём; верхняя часть хвоста над белым подхвостьем заканчивается воронеными перьями-косами, которые особенно красивы в движении тетерева по белому снегу навстречу противнику.

Произведя один – два выстрела, охотник поднимает добычу и уходит с тока. Появится здесь снова он через несколько дней, когда тетеревиное мясо в семье закончится. Впрок и про запас в те времена птиц не стреляли: так учило старшее поколение охотников.

Елена ФЕДОТОВА

Букет

Принеси мне букет цветов,
Да чтоб розы алые-алые,
А с ними свою любовь
Восторженную, не вялую!

И я пойду по следам
Подругой, сестрой, рабыней
Пока восторгаюсь тобой,
Не допускай унынья.

Хочу лишь с тобою испить
Я наслаждения чашу,
Любовью своей скрепить
Связь неразрывную нашу.

Гори, сверкай, зажигай –
Высекай из камня искру.
Вот такого тебя люблю
Без всякого в этом смысла.

Календарь

Перелистывает календарь
День за днём и год за годом.
Вот прошёл ледяной декабрь,
И уже сентябрь за порогом.

Год за годом, полжизни нет,
И нельзя ничего исправить.
Мне б хотелось за столько лет
Только веру в любовь оставить.

Зачеркнуть чёрно-серые дни,
Позабыть про душевные раны,
И про то, как оставшись одни,
Не сказали о самом главном.

Жизнь торопится – ей невдомёк,
Что назад нет сил оглянуться,
Иногда оставляет мост,
Чтобы в прошлое нам вернуться.

Что в итоге осталось нам?
Даже вспомнить – и то не можем.
Наш в полжизни житейский хлам
Мы на дальние полки сложим.

Сердце наше с собой унесёт
Только то, что его затронет.
Лучшей жизни десяток лет –
Остальное парень схоронит.

Вот ещё перекинут листок,
Закрыв в памяти день вчерашний.
«Мне бы счастья ещё чуток», –
Скажешь, глядя на лист упавший.

Женщина

У женщины две смерти, говорят,
Но, я назло всем выберу две жизни.
Всё лучшее из молодости взяв,
Я в зрелость эликсир тот вприсну.

И заискрятся зеленью глаза,
На счастье обретя надежду,
Как птица Феникс из огня,
Восстану для любви как прежде.

Я женщина, во мне и рай, и ад.
Всю жизнь в борьбе за право обладанья
То святость выступает напоказ,
То грех нашёптывает дерзкие признанья.

Но я живу и счастлива пока,
И радуюсь любой своей удаче.
Покуда пишется моя строка,
Я и люблю, и чувствую, и плачу!

Краски

Краски смешая, на холст нанесу,
Сине-зелёным раскрашу мечту.
Страсти пурпурного цвета мазок.
Нежно-сиреневой грусти чуток.

Небо лимонное, белые птицы
Крылья, расправив, летят по странице.
Воздух серебряной каплей качается,
Новая жизнь на холсте начинается.

Яркие краски меняю на тёмные,
Тень на душе намалую я чёрную.
Тоску разрисую синим туманом.
Лиловые пятна пусть будут обманом.

Жизнь чередуется – белая, чёрная,
То торжествую я, то обречённая.
Картина моя что вопрос без ответа.
Я избегаю лишь серого цвета.

Национал-большевик или просто писатель?

Честно признаюсь, что заинтересовалась книгами Захара ПРИЛЕПИНА после того, как случайно посмотрела с ним программу Юлии МЕНЬШОВОЙ «Наедине со всеми». Первое положительное впечатление – его отношение к собственной жене. Он прямо настойчиво отправляет её время от времени в какой-то пансионат или турпоездку, чтобы она отдохнула от домашних забот и хлопот, которых у четырёхдетной матери хватает. А сам на этот период остаётся домовничать. Дети сытые, чистые, уроки вовремя делают, жильё в порядке. Отправлял на отдых супругу даже тогда, когда кто-то из малышей пребывал в ползунковом возрасте.

Говоря о своём старшем сыне, ПРИЛЕПИН сказал, что тот обладает энциклопедическими знаниями по всем школьным дисциплинам. Наверняка потому, что перед ним был яркий пример в виде умного и мужественного отца.

Показали в программе и его жену. Ухоженная и не истерзанная бытом очень молодая женщина. Да такого мужика только за это уважать можно, а он к тому же ещё и лауреат множества разных литературных призов и премий, один из самых популярных современных авторов в России. Его произведения активно переводят на другие языки. Книжки русского парня завоёвывают мир.

Воин по натуре

В составе ОМОНа ПРИЛЕПИН принимал участие в урегулировании чеченского конфликта. А поскольку природа наградила аналитическим складом ума, понял, откуда растут ноги у любой

войны, захотел высказаться о ней и несправедливом мире публично. Поэтому, оставив службу в ОМОНе, подался в журналисты, а затем и написал свою первую книгу о Чечне.

Эта война уже в прошлом, хотя её угольки продолжают тлеть. О ней мы вспоминаем только тогда, когда кто-то из наших земляков сложит на Кавказе голову. Чаще всего не закликаемся, услышав в «Новостях» про очередную операцию на территории Северного Кавказа по ликвидации боевиков, а привычно ужасаемся, узнав про новый теракт.

На встрече с ачинскими читателями Захар ПРИЛЕПИН признался, как тяжело переживал распад Советского Союза в 90-е годы. Не смирился он с этим до сих пор, позиционируя себя национал-большевиком. Он активно занимается политикой, входя в совет партии «Другая Россия», и верит, что в стране снова может установиться социальная справедливость. Основанием для этого служат те люди, с которыми его сводит судьба.

Да он и сам, подавшись в журналисты, стал работать сначала в откровенно черносотенской газете. В ту пору Новгородской

областью, где до сих пор живёт ПРИЛЕПИН, правил ныне уже почти забвенный Борис НЕМЦОВ. ПРИЛЕПИН писал просто с остервенелым обличением про всё, что творят приватизаторы, про нищету и бесправие народа. НЕМЦОВ лично отдавал приказы уволить этого писаку. Поэтому журналисту приходилось «ваять» под разными псевдонимами. Так сложилось писательское имя Захар ПРИЛЕПИН. Фамилия родная, а имя нет. Родители его назвали Евгением.

Не орать, а делать

Наблюдая Захара в разных телепередачах, бывая на авторских встречах, я всегда ощущаю, что он человек не от мира сего. В лучшем понимании этого слова. Создаётся впечатление, что, отвечая на какой-то вопрос читателей или корреспондентов, этот человек параллельно думает на другие темы. Моментами ловишь его выражение лица, говорящее, что он где-то витает, что-то обдумывает.

После того как увидела с ним передачу МЕНЬШОВОЙ, заглянула в Интернет: хотелось узнать, что за великие произведения пишет этот человек. Припомнила,

что видела его и прежде, отсмарывая марши несогласных и прочие выступления оппозиции. Отношение было как к Лие АХЕД-ЖАКОВОЙ и иже с ней – хочет популярности, неважно каким способом. Таким всегда хочется сказать: надо не орать, надо работать.

В Интернете же выяснила, что ПРИЛЕПИН уже давно не орёт на площадях в громкоговоритель, разойдясь идейно со всеми быковыми, акуниными, уличскими, а занимается конкретным делом – помогает донбасским ополченцам отстаивать свою свободу от незалежной Украины. Как только там началась заваруха, он поехал на место боевых действий, посмотрел, в чём нуждаются люди осаждённых городов, вернулся в Россию и стал собирать деньги на гуманитарные обозы.

Те, которые пошли позже численностью до 200 фур, ещё проходили согласования с разными правозащитными международными организациями. Все помним, что даже после всех разрешений первый гуманитарный конвой, уже дойдя до границы, надолго застрял на блокпосту. А мини-обозы ПРИЛЕПИНА находили способ обойти преграды.

Писатель восхищён щедростью россиян. Сначала он обратился к олигархам с просьбой закупить необходимые для осаждённых людей продукты и другие товары, но получил отказ. Бросил клич в соцсетях, и деньги посыпались – простые люди делились чем могли. Правда, среди рублёвских богачей тоже нашёлся один отзывчивый человек, закупивший за свой счёт товара на целую фуру. Таких обозов ПРИЛЕПИН отвёз за годы войны в Донбасс уже много.

ПРИЛЕПИН говорит, что официально числится в сотрудниках администрации непризнанной

Донбасской республики. Он уверен, что свою независимость эти люди уже не потеряют. Остаётся сторонником того, что после первого же нарушения минских соглашений надо было продолжать гнать националистов по всей Украине. В каждой области люди нахлебались самостийности, большинство примкнуло бы к ополченцам, чтобы освободиться от засилья олигархов и прикормленных ими отморожков.

Вперёд в прошлое

Отдельно хочется сказать о романе «Обитель», в основе которого лежат события, происходившие на Соловках в годы, когда на базе монастырей-крепостей создали огромный концентрационный лагерь для «врагов» советской власти. Какая там была промышленность! Какие сливки духовенства там были собраны! Сколько деятелей культуры здесь вкалывали до изнеможения, но продолжали творить!

Восклицательные знаки ставлю не потому, что восхищаюсь репрессиями. Наоборот, скорблю по поводу того, какими масштабами большевики, взяв за лозунг

равенство и справедливость, насаждали рабство в разрушенном могучем государстве. А люди творили, изобретали и в неволе, потому что не могли иначе.

Не было равенства и справедливости в Советском Союзе даже в годы застоя. Одним – бараки, другим – квартиры на Котельнической набережной или Кутузовском проспекте в Москве. И в каждом областном, провинциальном городе были привилегированные люди и те, кто обходился малым. Дом председателя в деревне и то был самым лучшим.

И покروшили большую державу на отдельные страны тоже большевики. То, что цари-батюшки собирали веками, они перекраивали своими декретами. Монархи строили державу так, что никому не хотелось суверенитета, наоборот, многие приграничные страны льнули к могучему соседу. Украинцам ЛЕНИН добавил восемь областей, потому что там не хватало пролетариата. Это был край фермеров и кустарей. ХРУЩЁВ подарил Крым. Посмотрите карту бывшего Советского Союза и увидите, как чертились границы с некоторыми азиатскими республиками. Ощущение такое, что страну резали по линейке. В результате исконно русские города и посёлки оказались за границей.

Так о каком государстве горюет писатель, он же национал-большевик Захар ПРИЛЕПИН? Скорее всего, о том, которое звалось Российской Империя. Сейчас он собирает материалы, чтобы написать о воинах-литераторах, которые, служа Отечеству, слагали прекрасные произведения. Похоже, ПРИЛЕПИН-политик всё больше терпит поражение перед ПРИЛЕПИНЫМ-писателем – инженером человеческих душ, что, видимо, и было ему суждено свыше.

Софья РОМАНЕНКО

Вдохновение
ПРИЧУЛЫМЬЯ

Адрес редакции:
662150, Красноярский край,
г. Ачинск, м-н 8, д. 1.

Учредитель: ООО «Ачинская типография»

Главный редактор: О.В. Паршина

Тираж – 900 экз. Газета выходит 1 раз в три месяца. Номер подписан в печать 29.11.2016 г. Газета отпечатана в ООО «Ачинская типография» по адресу 662150, Красноярский край, г. Ачинск, ул. Шевченко, 2, т. 7-00-91.

На страницах литературной газеты использованы фотографии Дмитрия ЦИБРОВСКОГО и Владимира ФЕДОРОВА